

К 100-летию со дня рождения
Б.Л. Васильева

DOI: 10.31862/0130-3414-2024-5-33-44

УДК 821.161.1

Д.В. ПольМосковский педагогический государственный университет,
119435 г. Москва, Российская Федерация**Человек в истории
и нравственный закон мироздания
в творчестве Б.Л. Васильева**

Аннотация. Приверженность правде факта, понимание негероичности героического, отказ от пафоса в отображении боевых действий – то, что роднит писателей-фронтовиков, пришедших в русскую литературу в середине 1950-х гг. В то же время каждый из них был и оставался яркой индивидуальностью. Цель статьи – выявить отличительные особенности прозы Б.Л. Васильева в литературном процессе 1960–2010-х гг. Исследование основывается на сравнительно-историческом и биографическом методах. Основное внимание обращено на аксиологический аспект творчества писателя. В результате исследования выявлены многочисленные случаи намеренного отхода автора от исторической достоверности ради достижения высшей цели – нравственного потрясения читателей. Даже в позднем своем творчестве, в исторической романистике о временах Киевской и ранней Московской Руси, пересматривая и немного смягчая свои требования к героям, допуская и преступность отдельных деяний исторических личностей ради блага народа, писатель все равно остается приверженным нравственной оценке человека и исторического процесса. Уникальность Б.Л. Васильева в том, что он воспринимает своих героев всегда и в рамках малого времени, здесь и сейчас, с учетом социально-исторического контекста и предлагаемых обстоятельств, и одновременно наблюдает с позиции большого времени – через эпоху и нравственное измерение русского интеллигента, сформированного всей русской культурной традицией. В мире писателя, который нерелигиозен, нравственный императив, важнейшей составляющей которого является честь, определяет всю систему координат, подстраивая под свое наиболее убедительное воплощение и мотивную, и образную системы произведений.

Ключевые слова: Б.Л. Васильев, русская литература о войне, нравственное прочтение истории, человек и мир в русской литературе

© Поль Д.В., 2024

ССЫЛКА НА СТАТЬЮ: Поль Д.В. Человек в истории и нравственный закон мироздания в творчестве Б.Л. Васильева // Литература в школе. 2024. № 5. С. 33–44. DOI: 10.31862/0130-3414-2024-5-33-44

DOI: 10.31862/0130-3414-2024-5-33-44

D.V. Paul

Moscow Pedagogical State University,
Moscow, 119435, Russian Federation

Man in history and the moral law of the universe in the works of B.L. Vasiliev

Abstract. Commitment to the truth of fact, understanding of the unheroic nature of the heroic, rejection of pathos in the depiction of military actions – these are the common features of the front-line writers who came to Russian literature in the mid-1950s. At the same time, each of them was and remained a bright individual. The aim of the article is to identify the distinctive features of B.L. Vasiliev's prose in the literary process of 1960–2010. The study is based on comparative-historical and biographical methods. The main attention is paid to the axiological aspect of the writer's creativity. The study reveals numerous cases of the author's deliberate deviation of historical accuracy for the sake of achieving the highest goal – the moral shock of the readers. Even in his later work, in his historical novels about the times of Kievan and early Moscow Rus, revising and slightly softening his requirements to the heroes, even presuming the criminality of certain acts of historical figures for the good of the people, the writer still remains committed to the moral assessment of man and the historical process. The uniqueness of B.L. Vasiliev is that he perceives his heroes always and within the framework of small time, here and now, taking into account the socio-historical context and proposed circumstances, and at the same time observes from the position of big time – through the era and the moral dimension of the Russian intellectual, formed by the entire Russian cultural tradition. In the writer's world, which is non-religious, the moral imperative, the most important component of which is honour, determines the entire system of coordinates, adjusting both the motive and figurative systems of the works to its most convincing embodiment.

Key words: B.L. Vasiliev, Russian literature about war, moral reading of history, man and the world in Russian literature

CITATION: Paul D.V. Man in history and the moral law of the universe in the works of B.L. Vasiliev. *Literature at School*. 2024. No. 5. Pp. 33–44. (In Rus.). DOI: 10.31862/0130-3414-2024-5-33-44

Среди писателей, совсем юными оказавшимися на Великой Отечественной войне и прошедшими ее в небольших должностях, Борис Львович Васильев (1924–2013) занимает особое место. И дело здесь не в разноплановости его прозы (этим отличалось большинство писателей-фронтовиков: Е.И. Носов и В.П. Астафьев, Ю.В. Бондарев и Г.Я. Бакланов, многие-многие другие) и не в том, что он запечатлел «негероичность героического» [5, с. 78] (свойство всей лейтенантской прозы). Ни у одного из писателей-фронтовиков нет столь органичного соединения детской веры в торжество добра в истории¹ и натуралистичного изображения человека на войне и в мире, поиска глобального смысла в истории и приверженности правды факта; сентиментальности, романтизма и реализма, одновременно характеризующих действующих лиц и конфликты в произведениях. По отдельности подобные сочетания можно найти у многих авторов, бывших фронтовиков-окопников², а вот вместе – нет. В этом отношении Б.Л. Васильев уникален. «Добро должно восторжествовать в этом мире, иначе все бессмысленно» [3, с. 757] – в этих словах писателя не просто итог его раздумий нака-

¹ История понимается Б.Л. Васильевым как определенный процесс, постижимый на логическом уровне. Писатель не исключает факты и явления, не укладывающиеся в рамки рационального сознания, однако все подобные «зигзаги истории» и исключения все равно встроены в логику всемирно-исторического движения.

² Вне этого ряда в силу специфичности их военного опыта и особого статуса в зоне боевых действий окажутся писатели, прошедшие войну в качестве фронтовых корреспондентов, сотрудников общесоюзных газет (К.М. Симонюк, А.Т. Твардовский, А.А. Фадеев, М.А. Шолохов, И.Г. Эренбург и др.).

нуне очередного юбилея, а фиксация того императива, который и определял поведение Б. Васильева на протяжении всей его жизни.

Мир Б.Л. Васильева никак не разделяем на собственно творческую и быденную жизнь. Дописательский период (детство, юность, стремительно наступившая военная зрелость) – это и формирование характера, и «сбор материала», и опыты творческой самореализации (историк, писатель, журналист). Взрослая жизнь – постоянные попытки повлиять на человека и настоящую (текущую) историю страны через свои произведения (сценарии, проза, пьесы) при постоянном пополнении жизненного опыта, который вновь, как и детско-юношеские впечатления, дает импульс и направление творчеству. Несмотря на сверхпрофессиональное отношение к литературе (Васильев очень ответственно относится к редактуре: у него сложно найти неоправданные повторы слов и сочетаний – то, чем грешили многие его товарищи), для писателя было характерно в высшей степени действенное отношение к собственному слову, которое прежде всего должно выполнять важнейший завет русской классики – пробуждать душу читателя. В этом отношении к литературе Васильев сродни В.М. Шукшину, также во главу ставившего «результативность» своего творчества по пробуждению народа³.

Творчество Б.Л. Васильева очень разноплановое: он и сценарист (в Союз кинематографистов вступил

³ Если основные надежды Б. Васильева связаны с русской интеллигенцией, то у Шукшина – с русским мужиком. В этом отношении Б. Васильев сильно отличается, как от Шукшина, так и от писателей-деревенщиков.

намного раньше, чем в Союз писателей⁴), и публицист, подчас чрезвычайно остро реагирующий на запросы современности, и драматург, самостоятельно переделывавший для театра собственные произведения, и политик, пусть и короткое время, но активно участвовавший как депутат Верховного Совета СССР в общественной жизни страны во время Перестройки, а еще историк, до войны мечтавший о профессиональном изучении прошлого России и последние два десятилетия жизни посвятивший свое творчество созданию художественной летописи древней Руси в ее наиболее драматичные моменты. И несмотря на всю эту многогранность Васильев даже на склоне дней считал себя прежде всего танкистом (был демобилизован из армии капитаном-инженером, а до этого несколько лет занимался разработкой и испытанием танков) и лишь затем сценаристом и писателем. Столь же разнообразно и неоднозначно и наследие Васильева, в прозе писателя усматривают и несомненную принадлежность к «лейтенантской прозе», и свойства «городской» (применительно к произведениям 1970–1980-х гг.), и даже деревенской, относят ее и к исторической романистике.

Многогранность Васильева несколько не противоречит целостности всего его творческого наследия. При-

верженность писателя деревенской, городской и даже военной прозе носила исключительно внешний характер. Васильев с легкостью использовал уже сложившиеся или только формировавшиеся клише испытания человека, которые необходимы для понимания некоего сверхсмысла, ничуть не беспокоясь о том, что в одном ряду окажутся наивная крестьянско-языческая философия жизни старшины Васкова из повести «А зори здесь тихие...» («...главное, что могла нарожать Соня <Гурвич, убитая фашистами> детишек, а те бы – внуков и правнуков») или милиционера, бывшего фронтовика, Семена Митрофановича Ковалева из «Самого последнего дня» с во многом сословно-родовым видением мира у аристократов Олексиных и крайне обостренным пониманием чести и исторической пользы у персонажей из языческой и раннехристианской Руси. Обнаруживаемые у писателя свойства деревенской, городской, военной, психолого-сентиментальной и исторической прозы никак не связаны с этапами его собственного развития. На протяжении всей своей писательской жизни Васильев экспериментировал, искал наиболее оптимальные формы для художественного изучения человека в истории и для одновременного нравственного воздействия на человека и общество. Поиски смысла в истории для Васильева неотделимы от нравственного закона: даже в позднем своем творчестве⁵, когда писатель допускал аморальность тех или иных действий, совершаемых ради существования

⁴ Основным источником сведений о писателе стали его воспоминания от 2002 г., опубликованные в издании: Васильев Б.Л. Век необычайный. М., 2024 [1]. Кроме того, нами были использованы материалы сборника, содержащего ответы писателя на вопросы анкеты журнала «Дружбы народов» от 1997 г.: Земля Бориса Васильева: сборник материалов, посвященных 89-й годовщине со дня рождения писателя / сост. В.В. Королев. Смоленск, 2013 [4].

⁵ Исторические романы о Древней Руси, написанные в 1990-х – начале 2000-х гг., с ярко выраженным осознанным пониманием человека и истории.

народа и государства⁶, в конечном итоге он все равно признавал наличие над всеми персонажами нравственного закона⁷.

В произведениях Б.Л. Васильева есть и преклонение перед тружеником, уважительное отношение к традициям, что сближало его с деревенской прозой (любовь к земле – во многих произведениях, но наиболее ярко в повестях «Самый последний день», «Суд да дело»), есть и все черты социально-психологической («городской») с ярко выраженным критическим началом. Вот только при внимательном прочтении очевидно, что писателя мало интересует внешняя атрибутика (производительные показатели, сельско-колхозный антураж, внутренняя кухня работы милиции, суда и адвокатуры и т.д.), здесь взыскательный критик и читатель найдет много несоответствий и неточностей. Для Васильева первостепенен человек: насколько он следует нравственному закону (важнейшая добродетель для писателя – честь⁸, что хорошо заметно во всем его творчестве). Поэтому центральная проблема в творчестве Васильева – сохранение совести [6, с. 8] неотделима от другой – сбережения чести. Отсюда и избегание писателем противопоставленности совести и чести: в мире Васильева они

взаимосвязаны: бессовестный человек он же и бесчестный, и наоборот. В этом отношении сложно ожидать от его героев жертвы своей честью: жизнью да, а вот честью нет.

«Блажен, кто посетил сей мир в его минуты роковые» – в словах Ф.И. Тютчева, еще при жизни поэта ставших крылатыми, словно предугадано движение Б.Л. Васильева, постоянно словно проверявшего своих героев, «погружая» их в наиболее знаковые проблемы, сталкивая с наиболее злободневными вызовами, в очередной раз проверяя своих персонажей на наличие совести/чести (в мире писателя они неразделимы).

Война, репрессии, бездуховность и расчеловечивание в мирные спокойные дни – вот проблемы-вызовы для героев Васильева. В выборе персонажей, ситуаций, в которых они окажутся, писатель исходил прежде всего из личного опыта, затем из воспоминаний близких и тех, кто ему был особо дорог, и только затем из документов. История, преломленная через человека, именно этому правилу следовал Б.Л. Васильев. Не просто факты, а их системное осмысление с обязательной нравственной оценкой. «Васильев – писатель, обладающий оригинальной наблюдательностью, которая связана прежде всего с тем, что он чувствует свою личную причастность ко всему, что происходит в конце XX столетия. Автор всегда воздает должное добру и справедливости, всему, что прекрасно, гневно осуждая то, что жестоко, подло и несправедливо» [5, с. 77]. Данная особенность свойственна всем произведениям Васильева, в том числе и историческим романам, написанным после распада СССР, на рубеже XX–XXI вв.

⁶ Б.Л. Васильев в рассмотрении истории Древней Руси от Рюрика, Вадима и Ольги с Владимиром до Владимира Мономаха и Ивана Грозного опирался на работы Л.Н. Гумилева, создателя теории этногенеза.

⁷ В этом отношении писатель продолжает традицию нравственного прочтения истории, идущую от Н.М. Карамзина, а в своих истоках еще из Античности (Плутарх).

⁸ В аристократическом (дворянском) ее понимании. С конца 1980-х гг. аристократическое (дворянское) всячески педалируется в творчестве Б.Л. Васильева.

Историзм Васильева – это умение видеть любого своего персонажа в рамках целого. Казалось бы, рухнет весь мир со смертью Вики Люберецкой в повести «Завтра была война», но это только кульминационная точка, которая предваряет подлинную кульминацию – войну, перед которой меркнут малые, но тем не менее страшные и жестокие несправедливости. Васильев, как и его герои, не оценивает поступок Вики как трусость или капитуляцию, они принимают его (она была убита клеветой, по словам директора школы Ромахина), однако самоубийство героини невольно меркнет перед тем, что идет вслед за ним. Меняя фокус зрения, писатель, скорбя о своей героине, одновременно вольно или невольно осуждает подобный путь. И это не из-за христианского сознания автора (с этим все очень непросто), а по причине историчности его восприятия жизни: на большом полотне горе одного становятся маленькой точкой, если не соединено с общей жизнью.

Неоднозначен вопрос о приверженности героев Васильева в своих поступках основам христианской морали [5, с. 77]. На протяжении полувека своей творческой жизни, с середины 1950-х и до 2010-х гг., Васильев – писатель, уважительно относившийся к православию, но не религиозный. Для него абсолютно значима честь, но не основные христианские максимы в их догматическом восприятии; писатель выступает за нравственность, которая не противоречит религиозным постулатам, но только к ним она для него не сводима. Навсегда нравственными для Васильева останутся его одноклассники, воинствующие атеисты, убежденные

комсомольцы, выросшие «в атмосфере команд», а потому призывавшие к продолжению гражданской войны и затем кровью искупившие свои невольные ошибки: «Мы искупили свой невольный грех перед нашим народом. Это на наших телах забуксовали танки Клейста и Гудериана» [1, с. 16]. Верность нравственному началу для Васильева – основа всего и вся, а потому внутренние часы из поколения, ставшего солдатами, всегда, как у героев «горестно-знаменитого» 9 Б из повести «Завтра была война», показывают «самое точное время». И носителями нравственного начала выступают у Б.Л. Васильева прежде всего интеллигенты (военные, врачи, учителя, инженеры), с ними связывал писатель свои надежды на изменения в обществе, «именно интеллигенция должна воскреснуть и указать путь к формированию общества, которое не может существовать без высоких, глобальных целей, но должно стать более справедливым и гуманным» [8, с. 34].

Интеллигентность для Б.Л. Васильева неотделима от порядочности, на которой основывается закон общения с людьми (именно так, согласно автобиографической повести «Летят мои кони», воспринимал это отец писателя, а ранее, согласно циклу художественных произведений о роде Олексиных, и все предки писателя). В «Были и небыли», самом известном романе из цикла об Олексиных, «Васильев ярок, эффектен и, как всегда, интеллигентен» [7, с. 21].

Единственный потомственный военный из числа известных прозаиков-фронтовиков (портрет прапрадеда писателя по материнской линии генерал-лейтенанта Алексева

работы Дж. Доу находится в знаменитой галерее Эрмитажа – «зал 1812 года»), во второй половине 1950-х – начале 1960-х оформивших такое явление, как лейтенантская проза, единственный романтик с нотками сентиментальности, сохранивший и на закате дней детскую непосредственность и нравственный максимализм по отношению к событиям и фактам современной действительности, так и в оценках исторического прошлого, – таким предстает Б.Л. Васильев в 2020-х гг. Однако историческое прошлое для него всегда ориентировано на нравственное потрясение, а не на скрупулезную точность.

Васильев не для тех, кто стремится к абсолютной достоверности в деталях. Практически к каждому его произведению применимо это правило, начиная с самых известных – «А зори здесь тихие», «В списках не значился», «Завтра была война» – и заканчивая исторической прозой рубежа XX–XXI вв. Причем расхождения с исторической точностью подчас лежат на поверхности. Очевидно, что от автоматов в карельских лесах в годы Великой Отечественной войны толку было немного. Иное дело – снайперская винтовка, которая должна была быть в отряде диверсантов из повести «А зори здесь тихие». Разумеется, потомственный военный, участник Великой Отечественной войны, Васильев прекрасно знал об этом, но, когда в повести против девушек воюют эсэсовцы с автоматами, – вся ситуация смотрится намного эффектнее (сформировавшийся в массовом сознании штамп довлеет над читателем, и Васильев уступает достоверности ради большего эмоционального воздействия).

В этом же ряду несуразностей и очень странная директива СД, каким-то образом определившая подготовку и проведение операции в прифронтовой полосе Карельского фронта, в тылу Красной Армии. Очевидно, что подобная акция была бы делом Абвера или войсковой разведки уровня дивизии (корпуса). Однако Васильеву потребовалось усилить эмоциональное напряжение – и прямое отношение к заброске диверсантов имеет уже СД (служба безопасности), одна из наиболее зловещих структур Третьего рейха, что также усиливает эмоциональное напряжение.

Точно так же очевидно, что что-то не так и со временем действия повести. Прифронтовой «курорт», да еще с историей (как минимум, несколько команд уже поменяло командование в результате рапортов Васкова), был никак невозможен в Карелии в мае 1942 г. Если следовать тексту повести, то старшина стал комендантом разъезда после ранения зимой 1941–1942 гг. И даже если допустить, что почти сразу после госпиталя он оказался на 11-м разъезде, то очень сложно поверить в беспробудные гуляния солдат и местных в суровые зимние (в Карелии зима длится дольше, чем в Центральной России) месяцы. И опять же – сколько они могли гулять? – Несколько команд за пару месяцев? Маловероятно. Иное дело, если бы действие повести происходило в мае 1943 г.: тогда за почти два года войны сформировалась бы и своя история у разъезда, и у команды зенитчиц. Вот только притупилась бы боль первых дней войны, не было бы столь остро прожизвания потерь ни у Осяниной, ни у Комельковой, ни у других персонажей.

В повести «В списках не значился» Васильев напишет о тех, кто как герои повести: «Шагнули в самую короткую ночь <22 июня 1941 года>, как в вечность» [3, с. 112]. Главному герою повести Васильев дает имя и фамилию своего «самого близкого друга», который не вернулся с войны. Но это также и о самом писателе, который в семнадцать лет, совсем мальчишкой, в составе истребительного добровольческого батальона оказался в самом пекле войны, – и точно также в списках не значился. Действительно, ведь никто в 1941 г. не учитывал в балансе потерь погибших мальчишек, официально не призванных в военкомат, «по бумагам» не существовавших. Десятки (может быть, и сотни) тысяч подобных ястребков (неофициальное название бойцов истребительных батальонов) вместе с теми военными, кого война застала в дороге, теми мобилизованными, кто был без всякого оформления в суматохе июня-июля 1941 г. отправлен в бой и погиб, ни в каких базах и списках неучтенный, – вот они прототипы героев Васильева. Ни наград, оставшихся у близких, ни даже фамилии на скромном обелиске – ничего этого им не дано. И тем не менее в описании длительного подземельного сопротивления героев много фантастического, легендарного. Васильев верит в высокий смысл подвига, который, как и поступок по совести, никому и никогда не станет известным. И чтобы подчеркнуть это, писатель немного жертвует исторической достоверностью.

В концовке повести «Завтра была война» Васильев сбивается с внутреннего хронометража. Постаревшая Зиночка со взрослыми сыновьями в 1951 г. встает рядом с постаревшим

директором [Там же, с. 394]. Но ведь в 1951 г. она не может быть старше 27–28 лет. Соответственно, никак не будут у Зины сыновья-подростки, а уж тем более юноши. Но писателю важно другое – показать, что жизнь продолжается и что на смену тем, кто пал в годы войны, пришли другие.

Очевидно, что в реальной жизни, даже с поправкой на репрессии, никак не могла произойти столь неожиданная для генерала-майора Трофимова из «Офицеров» (сценарий кинофильма и повесть) встреча с генералом-полковником, старым другом. Ведь не на другой планете же они находились, и в должностях по тому времени не малых. Однако писателю важно подчеркнуть и внезапность встречи, и верность идеалам юности (отсюда и юношеско-дружеское обращение «валяй», совсем не соответствовавшее высшим командным должностям героев).

В мире Б.Л. Васильева даже сталинские репрессии не отменяют вечные категории чести и бесчестья. В повести «Офицеры» (в кинематографической версии старательно вычищено все, что хоть как-то связано с этой темой⁹) омерзителен преподаватель марксизма-ленинизма, доцент Евгений Афанасьевич Фролов в медицинском институте, пытающийся читать мораль Любови Андреевне Трофимовой [2]. Однако провокации, доносы и преследования не изменяют Любовь Андреевну, дочь потомственного военного: она все также готова прийти на помощь и бескомпромиссна в отстаивании права на милосердие. Мужественными, готовыми

⁹ См.: Офицеры (широкоэкранный и обычный варианты): монтажная запись художественного фильма / сценаристы Б. Васильев и К. Рапопорт. М., 1972.

на самопожертвование остаются и близкие ей люди: Алексей Трофимов, Егор, друг семьи Иван Варавва. Арест, пытки на допросах, разжалование не меняют героев, они становятся только крепче. Тема ареста – одна из важнейших для «Офицеров», через испытание тюрьмой автор проверяет своих героев и в очередной раз вызывает сочувствие к ним у читателей.

Васильев порою сентиментален, но эта чувствительность соединена с гордостью за то, что были ТАКИЕ люди и что жизнь не заканчивается. Военная проза писателя не о войне, а том, как на войне спасли ЖИЗНЬ. Васильев из тех «строителей собора» из бродячего сюжета в мировой культуре, кто не таскал в грязи и холоде камни, складывал стены, он тот самый строитель, кто, находясь в грязи и холоде, считал, что он возводит СОБОР – храм человеческой души. Значимость прозы Васильева нельзя измерить какими-то наукообразными величинами, произведения писателя не дают успокоения человеческой душе, вновь и вновь обращая внимание на то, что делает человека человеком: честь, достоинство, доблесть, любовь к Родине, справедливость.

Рефреном через сценарий «Офицеры» проходят слова комэска, в недалеком прошлом поручика Русской Императорской армии Георгия Петровича Максимова: «есть такая профессия – защищать свою родину». Лейтмотивом повести «Офицеры» остается линия защиты Родины, подразумевавшая сохранение чести.

Утрата чести/совести равносильна уничтожению самой жизни. Именно об этом проза Б.Л. Васильева 1980-х гг. Писатель остро ощущал необходимость нравственного оздо-

вления общества. Как и В.П. Астафьев («Печальный детектив», «Людочка»), В.Г. Распутин («Пожар»), Ч.Т. Айтматов («Плаха») и многие другие, Б.Л. Васильев был убежден в том, что так жить нельзя. Страшный «продукт» эпохи всеобщего безразличия – шофер-дальнобойщик из небольшого рассказа «Холодно, холодно...» (1984). Рассказ словно переворачивает сюжет знакового американского фильма «Попутчик» (1986): только не американская, а советская глубинка, и не попутчик, а водитель является носителем страшного ужаса. В рассказе Васильева нет столь распространенных в массовой культуре внешних эффектов, вот только ощущение жути он создавал намного более сильное, чем американский триллер.

На безлюдной дороге к водителю, очень хорошо устроившемуся в этом мире человеку (постоянно на машине-рефрижераторе совершает рейсы за рубеж, на хорошем счету у начальства, имеет нужные связи), подсаживается солдат, убежавший в самоволку, чтобы увидеться с девушкой. У персонажей нет имен, хотя автор и наделяет их всеми портретными характеристиками. Абсолютно положительный шофер-дальнобойщик, рационализатор и, очевидно, член партии, и несуразный солдат, очевидно, очень талантливый художник, решивший узнать народ, перед тем как поступить в Суриковский институт на художника.

Случайно шофер сбивает девушку, которая шла по шоссе и из-за дождя не увидела машину. Неизвестно, можно ли ее спасти, но шофер погружает тело, как потом выяснится, еще живого человека в холодильник, чтобы не запачкать сидение. А затем убивает солдата, чтобы тот не рассказал.

В финале рассказа обнаружится, что девушка жива, но водителю, который уже убил солдата, важно, чтобы никто не узнал об этом, и он, по сути, убивает девушку, закрывая ее в холодильнике, обрекая на медленную смерть. Полнейшая безысходность, что неожиданно для Васильева. И вместе с тем был же нелепый солдат-очкарик, не согласный с потребительской философией «пролетария» (именно так себя называет шофер). Писатель все равно не согласен с тем, что такие, как водитель, победят. И гибель несуразного солдата не означает победы зла.

В рассказах «Живая очередь» и «Великолепная шестерка» Васильев снова и снова пишет о моральном оскудении современного человека, как со стороны безликой массы, затопившей двух пенсионеров-ветеранов в очереди за водкой, которую они хотели купить к юбилею, сорокалетию совместной жизни, так и со стороны вполне благополучных подростков, бросивших на верную смерть лошадей. Но нравственный закон все равно остается: да, герои его воплощающие (фронтовики), умирают, но, как и в повести «В списках не значился», остаются в истории (в памяти, в жизни других, самим фактом своего активного бытования на земле – как древние стойки античного мира).

Рассказы «Холодно, холодно...», «Живая очередь» и «Великолепная шестерка» не только о моральном оскудении современного человека, но и о необходимости измениться, задуматься о прошлом – обнаружить первопричины нравственного разлада мира. словно руководствуясь этой исследовательской задачей, Васильев в повести «Капля за каплей» (1991) пытается найти ответ на вопрос о первопричинах нравственного раз-

лада общества. Истоки оказываются в «похабной» гражданской войне (так назовет ее Тимофей, когда-то начальник разведки в красноармейской бригаде, штурмовавшей Крым в 1920 г.).

Как и в большинстве произведений Васильева, в повести наблюдается много несостыковок по времени действия, по тому, что, когда и как происходит. Впрочем, для писателя важнее показать первопричину массовых репрессий, объяснить механизм самоуничтожения народа. В центре повествования пятнадцатилетний подросток Иван, сын красного командира, комдива, который в одночасье оказывается без родителей, арестованных в 1937 г. Мальчик прячется от ареста у родственников в Смоленске, которых тоже вскоре арестуют. Чудом Иван избежит ареста и окажется у давнего знакомого своей тетки, и все равно в финале повести его, как ненужного свидетеля Катынского захоронения, настигнет пуля бойца НКВД. В этом сюжете главное не странствия героя, не перипетии судеб, а погружение в событийную ткань того, что предшествовало Большому террору, для понимания самого исторического процесса, обретения нравственного смысла происходящих событий.

Иван – сверстник мальчишек и девчонок из повести «Завтра была война», и в его биографии, как и у бывших учеников 9 Б, есть частица истории Б.Л. Васильева (путешествие в Крым, окопное прошлое отца). Ему не удалось защищать свою страну с оружием в руках от фашистов, но, как и мальчишки из 9 Б, он разделяет жизненную позицию Николая Григорьевича Ромахина, директора школы и бывшего красного кавалериста: «Настоящий мужчина

тот, кто любит только двух женщин. Да, двух, что за смешки! Свою мать и мать своих детей. Настоящий мужчина тот, кто любит ту страну, в которой он родился. Настоящий мужчина тот, кто отдаст другу последнюю пайку хлеба, даже если ему самому суждено умереть от голода. Настоящий мужчина тот, кто любит и уважает всех людей и ненавидит врагов этих людей. И надо учиться любить и учиться ненавидеть, и это самые главные предметы в жизни!» [3, с. 320].

Васильеву всегда важно подчеркнуть, что жизнь продолжается: эпилог неотъемлемая часть большинства его повестей: тихими-тихими мирными зорями завершается повесть «А зори здесь тихие...», горестной матерью на фоне мирной жизни вокзала «В списках не значился»: «Не надо ей ничего объяснять: не так уж важно, где лежат наши сыновья. Важно только то, за что они погибли» [Там же, с. 263]. Внимательный читатель понимает, что в здании вокзала погиб не сын этой женщины (опять же по контексту понятно, что речь идет о матери Николая

Плужникова), а скорее всего его тезка, такой же не значившийся ни в каких списках и отправившийся на вокзал в ночь с 21-го на 22-е июня 1941 г. Однако оба Николая не значились ни в одном списке, точно не известно место, где они похоронены.

Эпилоги прозы Васильева конца 1980-х – начала 1990-х гг. печальны, но нет в них безнадежности. В автобиографической повести «Летят мои кони» Васильев уподобляет писателя Творцу, который «управляет событиями в этом созданном им мире, он вяжет из событий истории, он заставляет солнце светить, когда он этого хочет, и присылает дожди и ненастья по собственной воле» [Там же, с. 756]. Вот только огромная власть, данная писателю, должна служить утверждению справедливости, а значит – победе добра [Там же].

Нравственный императив господствует в мире Б.Л. Васильева, определяя и важнейшие мотивы чести и бесчестья, совести и беззакония, и любимых героев – думающих и рефлексизирующих русских интеллигентов, следующих заветам предков и традициям великой русской литературы.

Библиографический список

1. *Васильев Б.Л.* Век необычайный. М., 2024.
2. *Васильев Б.Л.* Офицеры: повести. СПб., 2016.
3. *Васильев Б.Л.* Собрание повестей и рассказов в одном томе. М., 2019.
4. Земля Бориса Васильева: сборник материалов, посвященных 89 годовщине со дня рождения писателя / сост. В.В. Королев. Смоленск, 2013.
5. *Ильичев А.В.* Образы человека на войне и послевоенного фронтовика в прозе Б. Васильева // Васильевские чтения: научно-практическая конференция, посвященная 90-летию со дня рождения писателя Бориса Васильева, 28 мая 2014 г. СПб., 2014. С. 76–79.
6. *Карнюшин В.А.* Проза Бориса Васильева о фронтовиках после войны (70–80 гг.): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Смоленск, 2000.
7. *Карнюшин В.А.* Чтобы услышать голос прошлого («Смоленские страницы» прозы Бориса Васильева). Смоленск, 1998.
8. *Успенская А.В.* Б. Васильев о судьбах русской интеллигенции // Васильевские чтения: научно-практическая конференция, посвященная 90-летию со дня рождения писателя Бориса Васильева, 28 мая 2014 г. СПб., 2014. С. 29–34.

References

1. Vasilyev B.L. Vek neobychnyy [Unusual century]. Moscow, 2024.
2. Vasilyev B.L. Oficery [Officers]. Stories. St. Petersburg, 2016.
3. Vasilyev B.L. Sbranie povestey i rasskazov v odnom tome [Collection of novellettes and stories in one volume]. Moscow, 2019.
4. Zemlya Borisa Vasilyeva: sbornik materialov, posvyashhyonnykh 89 godovshine so dnya rozhdeniya pisatelya [Boris Vasiliev's land: A collection of materials dedicated to the 89th anniversary of the writer's birth]. V.V. Korolyov (ed.). Smolensk, 2013.
5. Ilyichyov A.V. Images of a man at war and a post-war front-line soldier in the prose of B. Vasiliev. *Vasilevskie chteniya: nauchno-prakticheskaya konferenciya, posvyashhyonnaya 90-letiyu so dnya rozhdeniya pisatelya Borisa Vasileva*. St. Petersburg, 2014. Pp. 76–79. (In Rus.)
6. Karnyushin V.A. Proza Borisa Vasilyeva o frontovikah posle vojny (70–80 gg.) [Prose by Boris Vasiliev about front-line soldiers after the war (70–80s)]. PhD Diss. Smolensk, 2000.
7. Karnyushin V.A. Chtoby uslyshat golos proshlogo («Smolenskские страницы» прозы Бориса Василева) [To hear the voice of the past (“Smolensk pages” of Boris Vasiliev's prose)]. Smolensk, 1998.
8. Uspenskaya A.V. B. Vasiliev on the fate of the Russian intelligentsia. *Vasilevskie chteniya: nauchno-prakticheskaya konferenciya, posvyashhyonnaya 90-letiyu so dnya rozhdeniya pisatelya Borisa Vasileva*. St. Petersburg, 2014. Pp. 29–34. (In Rus.)

Статья поступила в редакцию 10.09.2024, принята к публикации 30.09.2024

The article was received on 10.09.2024, accepted for publication 30.09.2024

Сведения об авторе / About the author

Поль Дмитрий Владимирович – доктор филологических наук; профессор кафедры русской литературы XX–XXI веков Института филологии, Московский педагогический государственный университет

Dmitry V. Paul – ScD in Philology; Professor at the Department of Russian literature of the XX–XXI centuries, Institute of Philology, Moscow Pedagogical State University

E-mail: pol-d-v@yandex.ru